

К. Д. БАЛМОНТ В БЪЛГАРИЯ

ПОСИФ МОРОЗ

К. Балмонт пристига в България на 5 май 1929 г. по покана на Министерството на Народната просвета. Няма да бъде преувеличение, ако кажем, че това пътешествие остава неизличима следва в творчеството на руския поет, а така също и на българските му колеги. Нашето научно съобщение е посветено именно на посещението на Балмонт в България и на последвалите го контакти. Използвани са непубликувани архивни материали от преписката на К. Балмонт с Е. Попдимитров, писмата на руския поет към Н. Ракин и някои стихове и преводи на Балмонт, публикувани или останали необнародвани в България.

Авторът не претендира за изчерпателност при описанието и оценката на българския цикъл от поезията на Балмонт и преводите му на български поети. Основно внимание тук е отделено на личните контакти и творчески връзки на руския поет и българските поети.

Пристигайки в София, К. Балмонт се отзовава възторжено за града и за домакините: „Красивый, уютный“. „Такой же красивый как лучшая часть Питербурга“. „Хлебосольные, гостоприемны болгары.“¹ Два дена след пристигането, на 7 май, е организирана специална вечер в негова чест. На нея говори поетът Е. Попдимитров. В своята реч той подчертава огромното влияние на Балмонт върху цяло поколение български поети, преди всичко върху лириците. Изброявайки заслугите на руския поет пред българската литература, Е. Попдимитров се спира на първото запознанство на българската общественост с Балмонт благодарение на бележката на Хр. Сялянов в сп. „Художник“ през октомври 1905². В нея интуитивно е почувствувано новото, което внася Балмонт в руската литература и което ще бъде важно и за нас. Затова руският поет е наречен „поет на красотата, разлята по цялата вселена“, „въгльщение на бодростта на живота“, „влюбен в светлината и слъцето“.

Поезията на Балмонт става популярна в България още в началото на века. През 1908 г. в списание „Славянски глас“ е публикувана статията на Ст. Чилингиров „Диешната руска лирика“, който отделя значително място на анализа на балмонтските стихове. В кн. 1—2 на същото списание от 1911 г. са напечатани няколко стихотворения в превод на Хр. Панков. След една година, в кн. 4 на списанието, отново виждаме статия за поета и две негови стихотворения в превод на Ст. Дринов. След известно прекъсване по време на войните и събитията от 1918 г. българските списания отново показват интерес към творчеството на Балмонт през 20-те години. През 1922 г. в сп. „Хиперион“ е напечатана поемата „Скорбь Ахура Мазды“; в кн. 3 на сп. „Златорог“ излиза стихотворението „Безрадостность“, а в кн. 7 на следващата година — стихотворението „Романтики“. Същото това списание по-

¹ К. Балмонт. Соучастие душ. С., 1930, 82—83.

² Е. Попдимитров не е съвсем точен, защото първото издание на Балмонт в България е мадката книжка „Цветы влюбленным“, издадена през 1904 г.

мества преводите на няколко български народни песни от Балмонт — „Облако“⁴, „Жених да не женился“, „Сон“, „Весна“ и др. — и малко предисловие на Балмонт за поетиката на народните песни на южните славяни. По този повод редакцията отбелязва, че Балмонт най-накрая е имал възможност да се запознае с българското народно творчество. Темата за славянството, за славянското единство и за съществената роля на България в него като страна на древна култура е продължена и в другите публикации на поета в списание „Славянски глас“. През 1926 г. тук излиза стихотворението му „Слава славянам“, а през 1929 г. — няколко негови стихове в превод на Д. Бойкинов и статията му „О чешкой поэзии“.

Тези факти потвърждават, че Балмонт е бил действително известен в България още преди пристигането си и че отчасти е запознат с българското песенно народно творчество. Но престоят му в България оставя неизгладими впечатления и дава нов тласък на творчеството му. Поетът пътешества по страната в компанията на съпругата си Елена Константиновна, на руския писател, живеещ по това време в София, А. М. Фьодоров и поета Е. Пондмитров. Балмонт се качва на Витоша, пътешества до Баня, Перник, Рилския манастир и Плевен. Той е във възторг от приема, оказан му в последния град, и особено от организатора и директора на музея на руската слава Ст. Заимов, когото нарича „осемдесетгодишен юноша“. Плод на това посещение е очеркът „На висотях Плевны“⁵. Тук се състои и срещата му с Н. Ракинин, оказала благотворно въздействие и за двамата поети.

Очеркът на Балмонт за Плевен е написан живо и ярко, със запомнящи се епизоди. Един от тях е случката с кръчмаря: „Позавтракали в сельской корчме болгарское кушанье „мешано“, сопровождаемое красным вином“. Кръчмарят е осведомен, че посетителят му е „знаменит руски песенник“, който опознава България. Когато автомобилът вече потегля, хазаинът поднася на дамата цветя, дълго маха с ръце за сбогом и вика след гостите: „Я рад, Шалапин, что ты был у меня!“⁴

По време на престоя си в България Балмонт прочита две лекции — за литовската, а след това за българската и хърватската поезия — и чете стихове на своя творческа вечер. Професор С. С. Бобчев му връчва диплома и почетна значка на Софийския университет. В отговор поетът произнася реч, която завършва със стихотворението „К братскому народу“:

В тысячелетие свершается так много,
Что позабыть легко, где был когда-нибудь,
Но из Болгарии — в Россию есть дорога,
А из России — до Болгарии есть путь.
Когда вливалась Русь в великие размеры,
Что выткались позднее в бескрайный пышный сказ,
Отсюда к нам пришел огонь той первой веры,
Что крепой верности спаял навеки нас.
И полстолетие тому — здесь Русской крови
Пролился жертвенной неслучанный поток,
Чтоб вольно колос цвет Болгарской свежей мови,
Чтоб вольным был здесь дух, нетронутым цветком...⁵

Завършвайки се във Франция, Балмонт жадно пристъпя към задълбочено изучаване на българските народни песни и поезия, откривайки в тях удивителна свежест, образност, музикалност и чистота: „Болгары — певучая раса. Народная песня Болгарии блещет царственной красотой, высочайшим благородством, безукоризненным чувством меры, лиризмом и трагизмом пронзающим.“⁶ „... Передо мной — совер-

³ К. Балмонт. Соучастие душ, 82—94.

⁴ Пак там, с. 85.

⁵ Пак там, с. 81.

⁶ Юбилеен сб. 25 години литературна дейност на Е. Пондмитров. С., 1931.

шенные образы, полные той прелести, которую мы воспринимаем в дыхании полевых цветов и в несказанно-родном шелесте зреющей нивы.“ Особено го привлича образът на българската мома и „задор ее в природной первобытной невинности, который может совсем естественно и не нарочито доходить до крайней черты, не затрачивая того целомудрия и художественного чувства меры, которые составляют неотъемлимое свойство болгарской души“. „Болгарская женская душа умеет пропеть чарующе не только радость любви и медвяность счастья. Изумительны образы и звуки в предсмертной скорби юной девушки.“⁷

Особено значение за приобщаването на Балмонт към българската народна поезия и засилването на преводаческата му дейност изиграва Е. Попдимитров. На него Балмонт посещава много страници, пълни с искрена любов, душевно вълнение и благодарност. На първо място поетът цени неговите превъзходни знания за българската народна поезия и подчертава, че „... именно через него я вошел в заветную горницу Болгарского народного духа“. От друга страна, Балмонт посочва, че Попдимитров е един тънък ценител на руския език и словесност и на европейската и световната литература. Не по-малко развълчува е руският поет Попдимитров като поет символист, особено от стихотворението му „Лаура“. По мнението на Балмонт то поставя Попдимитров редом с Ракитин, Лилиев и Яворов и заедно с тях го отвежда в руслото на първостепенните европейски литератури. В тази връзка са цитирани и мненията на други български творци и критици за Попдимитров: на В. Пундев — „Модерново начало“; на Л. Стоянов — „Най-нежен и душевен лирик“; на Н. Дончев — „Поет в най-висшия смисъл на думата, чисто творчество е като силната струя на бликащ извор“⁸. Чувството за кръвна връзка между двамата Балмонт изразява с думите: „... и заглянувши по взволнованные глаза. Э Димитрова, увидел, что мы еще до встречи были братьями и что Болгария — в веках и в текущем часе мне родная.“⁹

Между двамата поети се завързва оживена кореспонденция. Попдимитров запазва писмата и картичките на кореспондента си и ги систематизира, а след това написва и спомена за Балмонт. Те трябвало да бъдат напечатани през 1943 г., но това не се осъществява поради смъртта на българския поет. В Народната библиотека „Кирил и Методий“ се пазят няколко непубликувани чернови на отговорите му към Балмонт¹⁰. Съпоставянето им в хронологически ред с писмата на руския поет ни дава сведения за изворите и поводите на преводите на Балмонт от българското народно творчество и съвременната нему българска поезия.

Е. Попдимитров е особено грижлив към отговорите си на Балмонт, затова, изглежда, отначало винаги пише чернова, претегля всяка своя дума дори върху нея и задраква много места или дори цели параграфи. В първата чернова Попдимитров говори за хубавото впечатление от посещението на Балмонт в България. След като съобщава за изпратената му българска граматика и предлага да го снабди с други български книги, Попдимитров информира кореспондента си за излезлите преводи на Балмонт в българските издания.

На това писмо Балмонт отговаря¹¹:

⁷ К. Бальмонт. Соучастие душ, с. 14.

⁸ Пак там, с. 94.

⁹ Пак там.

¹⁰ Първите три писма на Попдимитров (от 9. 06; 8. 07; 10. 12. 1929 г.) са публикувани от Д. Танев в кн. 7 от 1970 г. на сп. „Литературна мисъл“, затова тук излагаме само накратко съдържанието им. При останалите непубликувани чернови (Архив на Е. Попдимитров, Ф. 292) почти навсякъде даваме изцяло оригиналите, като нечетливите места са предадени с многоточие.

¹¹ Писмата на Балмонт не са публикувани. Главно архивно управление. Исторически отдел. Архив на Е. Попдимитров, Ф. 123, а. е. 98, опис 1, л. 4. По-нататък данните за писмата ще се посочват в самия текст.

Мой милый Емануил,

13-е, 14-е, 15-е июня я был неразрывно с Вами, упиваюсь Вашими строками, а Вы были уже тут и 15-го же, т. е. вчера я получил Ваше ласковое письмо от 9-го и денный для меня дар „Gramatica Bulgara“ Giorgio Nuringiana, которому мое спасибо напишу ему сам, через неделю, по прочтении его грамматики.

Литовскую соловьиную дайну (песню) пошло Вам в следующем песьме, а сейчас мои слова о Вас, я горжусь переводом „Бури“ и Жан-Еленка¹². (Вам поклон, супруге Вашей поцелуй от нее) в восторге от Вашей моей „Бури“ и десять раз ее прослушала и прочтала по русски и по болгарски.

Мы оба очень устали, но оба уже в работе, ей бедняжке на кухне много тяжелее работать, нежели мне на письменном столе.

Дочь наша Мирра, болгарскими подарками разукрашенная, все еще в Париже, грезит о Болгарии, и мне кажется несколько занимается болгарскими книгами, которые я ей дал.

Спасибо за перевод моих „Славянских впечатлений“ в „Луче“ (хотел бы почитать „Луч“ ежедневно) жаль, что в „La Bulgaria“ напечатали лишь отрывки, а не все и ошибочно назвали „Посл. нов.“ вместо „Россия и Слав.“ Пишите больше что Вы? Что Балабанов и все друзья? Где Федоров?¹³ Ах, в Софии много лучше чем здесь.

Ваш К. Бальмонт

Във второто си писмо от 6. 07. 1929 г. Поддимитров благодари на Балмонт за твърде похвалната за него статия и очерка „На висотях Плевны“. По-нататък му съобщава, че регулярно получава вестници и преводите на български поети от Балмонт, че са публикувани нови произведения на последния в България и че за съжаление списание „Лъч“ много е съкратило статията на Балмонт.

Балмонт му отговаря на 25. 07. 1929 г. (л. 13):

„Дорогой Емануил,

Каждое письмо Ваше радует меня, а также и грусть во мне будит, ибо не насытил я свою душу тремя неделями в Болгарии, а только раздражил в ней голод, жажду не телесную, а духовную, и чем более ласки тебе дают, тем больше и все больше ее хочешь, и грубой скучной, резкой, чужой кажется мне Франция, вдвойне, втройне после моего путешествия в Славию, чьи души так часто открыты...“ По-нататък Балмонт пише за преместването си от Буска в Капбретон. И по-нататък... „Шлю Вам перевод из Лилиева, нравится мне этот поэт. Хорошо бы это напечатать в „Мир“. На „Луч“ я прямо сердит за искажение моего очерка „В отъединении“. Он не имел права этого делать. Пропустил лучшие места. Ну какая это глупость! А пропускать слова „Сербия“, „сербский“ в перечне, это уже неуместный шовинизм, ризирующий меня в неверном свете, скажите им это.

Противные „Посл. нов.“ До сих пор не напечатаны мои слова о Вас. Послал туда запрос. Но вообще Милюков двусмысленная фигура и вся редакция¹⁴.

От Ник. Вас. Ракитина получил прелестную „Пролет при Вит“. Она мне совсем близок, почти как Вы, но Вы ближе.

¹² Така в България наричали Елена Константиновна.

¹³ А. М. Федоров (1868—1949) — руски писател-реалист, преводач, починал в София.

¹⁴ П. Н. Милюков (1859—1943) — руски политически деец, историк и публицист. Заема поста на министър на външните работи във Временното правителство. В емиграция издава в „Последние новости“.

Кстати, кончаю „Лауру“, Вашу, я смог лишь перепеть, а не перевести. Это последнее не всегда возможно. „Буря“ по-моему вышла великолепно. Но Вы знаете, что „Буря“ стоила мне ровно один день жизни, а „Лаура“ целых три! Вы-то поймете это, но неосведомленные не уразумеют.

От Балабанова получил ласковое письмо, а Заимов молчит, получил ли он мою „Плевну“.

Привет Вашей очаровательной супруге и всему дому Вашему. Братски обнимаю Вас. Грущу и грущу. Ваш К. Бальмонт.

Письмо на Балмонт от 30. 07. 1929 г. (л. 14):

Дорогой друг,

Шлю Вам соловьиную дайну Литвы и разные свои вещи. Очень буду Вам признателен, если переведете на болгарский язык „Тетю Сашу“ и систему о скрипке — рошо было бы перевести. И „Звезду вечернюю“. Видите, какой я жадный.

Поблагодарите от меня дорогого К. Георгиева за прекрасные обо мне слова в горнио журнале. Очень они проникновенные и братски. И больно мне, что все веледи и угрозы между Сербией и Болгарией. Какой благой волшебник расчарует эти зме чары?

Через неделю мы покидаем Буска и поселяемся опять в моем зеленом Капбретоме. Пожалуйста, сообщите мне адреса: Георгиева, Федорова, Пушкаревой¹⁵, и Дамгова и где они все? И где Вы? И как Ваш домашний адрес?

Елена Конст. шлет Вам сердечный привет. Балабановым и Вам мое сердце.

Ваш К. Бальмонт

Письмо на К. Балмонт от 19. 08. 1929 г. (л. 18):

Дорогой друг,

Где же Вы? Я поселился в минутах от океана. Мои строки о Ракитише, хорошо бы их перевести. Ему тоже конечно послал. „Посл. нов.“ все още не напечатали мои строки о Вас. Написал, чтоб или напечатали или написали мне, что я могу их напечатать в другом месте („Росс. и слав.“ давно бы их напечатали).

Прошу Вас и Ник. Балабанова послать мне —

1. Прослава на Освободителната война, София, 1929.

2. Что-то о секте богомилов.

3. Географию Болгарии.

4. Путеводитель по Рильскому монастырю.

Каждый день читаю по болгарски.

Привет Вам. Ваш К. Бальмонт

Письмото на Балмонт от 23. 11. 1929 г. (л. 15) привеждаме частично, тъй като тук най-важен е отзивът на поета за превода на Попдимитров:

... Большое Вам спасибо за прекрасный перевод моей „Плевны“, которая всем очень нравится, и мне и Ел. К. Этот очерк по болгарски еще более нравится, чем по-русски, живее и сердечнее...“

След това настъпва един дълъг период на мълчание от страна на Е. Попдимитров, което предизвиква тревога у Балмонт.

Письмо на К. Балмонт от 23. 11. 1929 г. (л. 15):

¹⁵ В. В. Пушкарева (1942) — бивша актриса от императорските театри в Петербург.

Дорогой друг,

Спасибо за прекрасную книгу Вашу „Златни ниви“, читаю ее с наслаждением, когато прочту всю, напишу о ней и переведу из нее отрывок. — То что 100 лет мне не пишете? Нехорошо. И книг, которые я просил для работы ни Вы, ни Балабанов не послали. И никто из болгар мне не пишет. Нехорошо. Или уж болгарам довольно от меня?

Привет. Ваш К. Бальмонт

В писмото си от 10. 12. 1929 г. Е. Попдимитров се извинява за дългото си мълчание с това, че се е опитвал да организира ново посещение на Балмонт в България, но не е успял поради влошаване на международното положение на България и особено с влошаването на отношенията с Югославия. Българският кореспондент известява, че получил изпратените от Балмонт нови стихове и статии и обещава да изпрати ръкопис с най-хубавите български народни любовни песни и книгите, за които Балмонт моли.

Балмонт е развълнуван от новините и в писмото си от 25. 12. 29 г. (л. 16), като благодари за хубавото писмо, в частност пише: „Мне очень жаль что Болгария так несправедливо и так бесчеловечно притесняют. Я видел ее, люблю ее и знаю, что это несправедливо. Параллельно я и о том, что мне от Болгарии, которой самой теперь трудно, нельзя ждать опоры в дни, когда нужда совсем пристально заглянула в мой дом...“

Отново следва мълчание и затова на 7. 03. 1930 г. (л. 17) Балмонт настойчиво се опитва да получи отговор:

Дорогой друг,

Живы ли Вы? Почему молчите? Где обещанные песни? Есть ли болгарский перевод „Слова о Полку“? Если есть и можете прислать мне хоть на время, очень о том прошу. Хочу также узнать, есть ли какие-нибудь болгарские исследования о „Слове“. Я собираюсь напечатать мой стихотворный перевод „Слова“ с предисловием проф. Н. К. Кульмана и хотя бы упомянуть болгарские работы, если они есть.

Най-накрая той получава отговор от българския поет.

14. 3. 1930 г.

Скъпи Учителю,

Получих картичката Ви, с която ме запитвате: жив ли съм. Да, жив съм, обаче не особено здрав. Бях болен от Нова година насам през цялото време. Едва преди няколко дена напуснах стаята. Бях болен от остър бронхит, сърце и т. н. Сега съм по-добре. И главно надявам се на... пролет да се поправя. И първата ми работа беше да препиша няколко народни песни няколко дена. В случай, че някои думи Ви са непонятни мога да Ви ги обясня допълнително.

Ако бъдете по-скоро готов с труда, които сте обещали на Н. Балабанов, изпратете ми го за печат и можете да поискате аванса от хонорара.

Получих хубавата Ви книга сърдечно Ви благодаря. Между стихотворенията има и такива, които са съчинени и четени в България. Много от тях са твърде удобни и за превод. А всички свидетелствуват за свежата сила на Вашето дарование — напомнят сочни зрели есенни плодове.

Колкото се отнася до „Слово о Полку“ у нас (Слав. филология) то се разглежда в оригинал и няма особени български коментари. Първ български превод на Словото е направен от македонца Райко Жинзифов в неговата книга: *Нова българска сбирка*. Москва, 1863 г. А Васил Пундев в книгата си *Боян Магесникът* (1921)

прави съмнителен опит да свързва легендата за Бояна (певец и магесник Симеон, брат на бълг. цар Петър) с Баяна и певица в Слово о Полку...

Балмонт веднага отговаря (л. 23):

25. 03. 1930

Милый Эмануил,

Очень жаль, что Вы хвораете. Да пожелать Вам весеннего солнца, здоровья и силы.

Спасибо за письмо ласковое и отличную тетрадь любовных болгарских песен. В первый же миг я перевел изумительную песню о пионе и белой розе. Сколько времени могу держать эти песни у себя? Как Вы их подбирали, из напечатанных уже книг или есть inédits.

Шлю Вам „Недоговоренное“. Хотел бы это видеть по-болгарски. Кстати, как Вы переводите по русски слова: *келешът, свирвал на вратата, върви из пътя*. И „Любим, любим“ что за чудо!

Книгу В. Пундева (как он погиб?) „Боян-магесник“ молю послать мне. Кто Стоян Загоричинов? Я только что прочел с большим интересом и наслаждением его прекрасную „Легенда за Света София“. Как это свежо тонко и сильно. Кто он? Передайте ему мою любовь за эту книгу. Нет ли у него что-нб. еще и не могу ли получить что-нб. историческое о героине повести?

Получили ли Вы и Н. Ф. Балабанов (о чем я просил изд-во) „В Раздвоенной Дали“ из Белграда?

Спешу, обнимаю Вас братски, дорогой.

Привет семье Вашей

Ваш Балмонт

Този път руският поет получава бърз отговор (л. 11):

9. 04. 1930 г.

Мили Учителю,

Получих писмото Ви от 25 март, както отличната статия „Недоговоренное“, която превеждам. Тука настъпва чудна пролет и аз започвам лека-полека да се съживявам.

Тетрадката с народни песни е предназначена за Вас и ще я задържите за себе си. Изборът на песните е направен от мене, разбира се — от всички събрани и печатани досега материали, а именно до стр. 44. От стр. 45 нататък са събрани от скоро и никъде още не са напечатани (inedits).

За изрази, в превода на които се съмиявате, можете винаги да ме питате, защото народната реч е трудна за разбиране.

Келеш — буквално значи човек с лисън на голове, но в этом случае — человек незначительный.

Свирвал на вратата (блену у ворота) на pewno есть ошибка в передаче. Вървим (Идем) из пътя (путь, дорога) — мы идем по дороге.

За жалост книгата „Боян Магесникът“ от В. Пундев, не можах да я намеря — изчерпана е (иначе щях още тогава да Ви я изпратя). Васил Пундев принадлежеше към една фракция на македонските революционери и беше *убит* от другата вражеска партия!!

С Стоян Загоричинов не се познавам лично, въпреки че исках да се запозная, за да му предам Вашите приветствия, по още не съм успял да го намеря — не е в София. За легендата Св. София има нещо загатнато в *Юбилейната книга* на гр. София, мисля, че Ви е дадена още по-рано, когато бяхте гост тука.

Бъдете любезен да съобщите на г-н Н. Т. Балабанов до къде сте стигнали в преводния труд на бълг. творения.

Когато има нещо важно пак ще Ви се обадя. Сега сме тъкмо вече на години се отличава от Вашето гостуване у нас, от възходите ни по планините Витоша и Рила, от поклонението ни в Плевен.

Колко би било хубаво да бъдете отново между нас! Мили привети Вам и на Елена Константиновна.

Ваш Емануил

На последните редове Балмонт отговаря (л. 24):
... мое сърце там, в България и още хочется надеяться, что судьба опять приведет меня туда, где на любовь отвечают любовью.

Я написал Ник. Фед. Балабанову. У меня готов перевод 70-ти народных песен. На будущей неделе их будет 100. Присоединяю к этому мои очерки болгарских впечатлений и образцы из Вазова, верно еще Ботева, из Вас, Ракитина, Дилева и неск. др. „Золотой сноп“ создан и завершается, главным образом благодаря Вам и „Самодивы“ Ваши, и рукописное собрание, идеально хорошо подобраны такие песни как „Царь и слуга“, „Нада“ (умирающая). „Рыба-белоперка“, „Невеста-лаш“, „Три овчара“ только что мной переведенные поразительно по-эллинически чисто-четко выраженные чувства, по-славянски глубоко и загадочно чувствительны.

Я в восторге от Вашей рукописи.
Ел. К. Просит передать нежные приветы и говорить, что она вспоминает Рильский монастырь. Хочется-хочется опять быть с Вами. Обнимаю братски. Не хворайте.

Ваш Балмонт

Работата по „Златния сноп“ върви към края си и Балмонт изпраща през май двете писма в разстояние на два дена, в които съобщава за това.

16. 05. 1930 г. (л. 25):

Дорогой друг, милый мой Емануил,

Я все еще пью из золотой чаши драгоценное вино и пенную густую брату болгарских народных песен, еще вношу выбор, но уже сегодня начал переписывать на белом все свои достижения и надеюсь, что на ближайшей неделе, наконец, отошлю Вам „Золотой сноп“ Болгарской поэзии. Прочтя и отметив, для сообщения мне, те строки, которые Вы найдете неточными, мне напишите об этом, неправда ли, и рукопись передадите Ник. Фед. Балабанову? Что найдете несовершенным в моей работе, верно легко будет с Вашими указаниями исправить. Все-все время мыслью о Болгарии. И без Вас, друг, я не смог бы подобрать такой щедрый „Золотой сноп“. Лирика болгар изумительна.

Обнимаю Вас. Всем сердечный привет.

Ваш К. Балмонт

13/25 мая 1930 (л. 26):

Мой милый Емануил,

... Свершилось! Я послал Вам сегодня в 6-ом часу веч. „Золотой сноп“ Болгарской поэзии из болгарских народных песен (Вы их узнаете) и сборник очерков „Соучастие душ“ (Н. Ф. Балабанову), список оглавления этого сборника прилагаю.

Я напишу Вам подробно, как смогу, а сейчас лишь, я счастлив, что хотел и вот уже не греза о красоте, а расцвели цветы.

Прошу Вас, друг, прочтя „Золотой сноп“, отдайте его Балабанову, а мне на-

Пожалуйста, что у меня не точно и ошибочно, если это есть, всё изучённое, всё любовное внимание я приложил.

И молю; напишите предисловие, я ведь, как гость, скромн, а Вы здесь хозяин.

Нежная память Вам и супруге.

Ваш К. Бальмонт

Отговорът на Попдимитров не е достигнал до нас, но, изглежда, българският приятел се е оплаквал и него за постоянни болести и извъредна заетост. На това Балмонт отговаря (л. 30):

Мой милый Емануил,

Мне горестно было узнать, что Вы опять хвораете и быть может, это надолго. Вам необходимо отдохнуть — Вы и Балабанов, как кажется многие честные болгары нынешних тяжелых дней, работаете за грош.

Но, друг, это похвально лишь до сих пор, пока мы бодро выносим непомерную работу. Заниматься же самоистязанием, хотя бы во имя Родной земли, никак нельзя. Ведь и Родная земля от этого может в ущерб быть, а не в прибыль.

Когда сможете, напишите мне подробнее или лучше продиктуйте кому-на. ... Я тоже работаю бескрайно. Но я ведь железный. Пока сердце лишь слегка покусывает меня кошачьими зубками.

Приветы. Ваш К. Бальмонт

След това писмо на Балмонт кореспонденцията между двамата се оживява и в нея се обсъжда възможността работата да бъде напечатана, предисловието, коректурите и т. н. В едно от писмата (23. 08. 1930, л. 31) Балмонт пише: „... жажду коректур, всегда любил типографский запах, даже больше запаха многих цветов. Как хорошо вдохнуть этот дух — и потом глубоко выдохнуть, утомительным ощущением жатвы.

В друго писмо от същия период Балмонт отново се тревожи (л. 32):
20. 09. 1930

Дорогой друг,

Что же Вы молчите? Или все еще нездоров? Отзовитесь. Когда я, наконец, получу корректур моих книг? Меня очень тревожит отсутствие их! Пришлите непременно и поскорее.

Опять прошу прислать мне болгарский перевод „Слова о Полку Игореве“ и исследования о Бояне. Если этих книг нет больше в продаже, прошу достаньте у частных лиц и пришлите мне на время — через неделю верну. Очень надо мне. Что Вы и как? Братски обнимаю.

Ваш К. Бальмонт

След като най-накрая получава коректурите, Балмонт пише на 30. 09. 1930 г. (л. 33):

„...какая снова быть в Болгарии овладела мной при чтении всех этих страниц...“
След 10 дена той съобщава (л. 34):

11. 10. 1930

... Вчера получил „Золотой сноп“. Прочел, завтра отсылаю. Но где же Ваше предисловие? Молю написать хотя бы несколько строк. Ведь без Вас эта книга вовсе бы и не возникла или разве нескоро...

Ето че и предисловието е написано от Попдимитров и Балмонт бърза да му
благодари (л. 35):
3. 11. 1930

Дорогой друг:

Спасибо Вам за прекрасное предисловие к моему „Снопу“. Шлю Вам перевод: Пожалуйста отнесите его в печать сами, я не знаю кому адресовать. Горько, что Вы еще хвораете. Поправляйтесь. И очень радуюсь, что мы нашли друг друга. Братский привет.

През ноември Балмонт изпраща още три писма. Във второто от 11 число (л. 36) той казва: „...меня очень тревожит, что я и доселе не получил вторых корректур“ В трето от 28. 11 (л. 37) той вече очаква излизането на книгите: „...с родственным волнением буду ждать уже напечатанных моих книг, и приветствую Вас, Н. Ф. Балабанова... благодарно сознавая, что напечатание в Софии двух этих книг делает меня счастливым и дает мне энергию пристально работать еще и еще над изучением Болгарии и болгар, и над воссозданием в русском слове великих духовных ценностей братской страны.“

През следващата 1931 г. книгите са вече реалност. Из писмото от 27. 01. (л. 41): „...Пожалуйста поторопитесь с высылкой моих личных экземпляров моих книг и с рассылкой по данным мной адресам. И все рецензии прошу присылать мне“... Почти веднага се появяват и рецензии: Из писмото от 10. 04. 1931 г. (л. 45): „...с разных сторон получаю приветы за наши две болгарские книги. Но от болгар ни звука...“ За една от рецензиите Балмонт съобщава на Попдимитров:

„...только что получил литовского журнала „Vaigas“ („Руль“) нем очень занятна статья о двух моих книгах. Между прочим автор, отмечая что в „Соучастие душ“ есть много от Литвы, говорит „Министерство Народного Просвещения в Болгарии издав эти книги сделало доброе дело не только для прославления своей страны, но оказало дружескую услуги и Литве“. При статье (если хотите я переведу ее для Вас) приложены отличные переводы из „Снопа“: „Лес“, „Пчела“, „Поцелуй“, „Облако“, „Любовная тайна“, „Пион и роза“.

Мы живем грустно, погибает и прямо не знаем, как дальше жить и что делать.

Ваш Бальмонт

Двете книги на Балмонт предизвикват особен интерес в Литва, където се появяват няколко рецензии и преводи на някои от стихотворенията. За тях разбираме от писмото на Балмонт до Попдимитров от 14. 05. 1931 г. (л. 44) и от две писма на преводачите от фонда на Попдимитров — на Ребека Кандрей (л. 13) и на Ф. Шуравин (л. 12). Писмата на преводачите са изпратени на Попдимитров от Балмонт, който с това иска да покаже интереса си към излезлите книги.

Писмото на Балмонт:

14. 05. 1931 г.

Дорогой Емануил,

Что случилось с моими личными экземплярами моих болг. книг? Они не посланы до сих пор? Если посланы, как же я их не получил? Это совершенно чудовищно. В Париже устраивается „Славянский вечер К. Д. Бальмонта“, из которого я хочу сделать праздник единения всех славян, без различия всех — и вот у меня нет моих собственных книг, чтобы послать тому или другому возможному участнику. Не ожидал я этого ни от Вас, ни от Балабанова. Пришлите прошу немедленно.

Прилагаю письма от швейцарской переводчицы Русских авторов г-жи Ребекки Кандрей и Русского переводчика с литовского Ф. Шуравина

Поэтесса Евгения Тарасова (Брюссель) написала прекрасную заметку об обзоре наших книг, я немедленно только что отослал ее в „Рос. и Слав.“ Жму руку.

Ваш Бальмонт

Письмото на Р. Кандрея
Гальденштейн; 10. 3. 1931 г.

Дорогой Константи́н Дми́триевич!

Вы мне доставили огромное удовольствие Вашими книгами, изданными в Болгарии Министерством и прелестным сборником Литовских сказок: Позвольте Вас поздравить ими и поблагодарить от всей души!

Может быть случай представится указать на эти книги или кое-что перевести из Ваших статей, я с большой радостью этим воспользуюсь.

Благодарная и искренно Вам преданная

Р. Кандрея

Письмото на Ф. Шуравин
7. 3. 1931 г.

Дорогой Константи́н Дми́триевич,

Большое спасибо Вам за письмо: оно разрядило мое скверное настроение. Полагаю, что Министерство Иностранных Дел нашу книгу уже разослало. На днях напишу письмо Ю. Балтрушайтису и перешлю через Министерство: там у меня есть одна знакомая, которую попрошу сообщить о судьбе книг. Если еще не разосланы попрошу разослать.

В журнале „Vairas“ была помещена (№ 3) заметка о нашей книге. Прошу Вас сообщить, получаете ли Вы этот журнал? Если нет, то попрошу редактора Вам написать. В этом журнале я и постоянно работаю подписываюсь Т. Svargas.

Несколько дней тому назад получил из Софии пакет с маркою Царя-Освободителя, в нем нашел Ваши две книжечки. Они мне доставили много радости, а песни так понравились, что я в тот же день перевел их около десятка и решил отправить в „Vairas“, полагаю, что будут напечатаны.

За адреса спасибо. Жаль, что мало. Коварскому уже послал на пробу несколько книжек: Поволоцкому вышло завтра. Постараюсь с ними договориться: может быть, они согласятся взять на себя труд по распространению, не только во Франции, но и в других странах.

С Вашей помощью не трудно и бороться.

Жму Вашу руку
Преданный Вам Ф. Шуравин

Ф. Шуравин под псевдонима Ф. Шварнас действительно напечатана през ноември 1931 г. в литовското списание „Vairas“ статия, а не преводи на българските песни. В статията той се спира на „Соучастие душ“ и на „Золотой сноп“. Както може и да се очаква, повече внимание е отделено на първата от тях, която представлява събрани очерци, преводи, песни и приказки. В нея Балмонт си поставя задачата да обърне вниманието на четящата публика към народната култура на славяните и литовците: „... И меня дивит, что современные русские поэты — а их много, — не изучают неведомую им красоту — народную песню братски родных нам стран, Литвы, Болгарии, Сербии, Хорватии, Чехии и Польши. Что за непостижимо-дурной вкус — все время улиточно сидеть в своей собственной малой раковине?... Долгие годы жить около дремучего леса — и ни разу в него не заглянуть...“¹⁶ Затога и

¹⁶ К. Бальмонт. Соучастие душ, с. 11.

Шуравин-Шварнас се спира повече на първата книга. Критикът отбелязва майсторството на балмонтовските преводи и факта, че те не са по-лоши от самите оригинали. От друга страна, той характеризира Балмонт като „известный искатель драгоценностей и жемчугов. Но наидя их, он не упрявывает их в свои сундуки, а показывает всему миру, дает насладиться ими и другим“.

Балмонт изпраща превод на статията на Шварнас на Попдимитров заедно с изрезка от руския вестник „Сегодня“, в която е напечатана статията на П. Трубинков „Одна кровь“. В нея авторът намира общи моменти, но и различия между руското и българското народно творчество и смята, че „не только народной, но и вообще литературы болгар почти не знаем“. „...перед нами раскрывается целый мир“.

През ноември 1931 г. Балмонт изпраща нови писма и картичка на Попдимитров, в които се вижда, че руският поет продължава работата по преводи на български стихове и се интересува от възможността пак да дойде в България. Писмо от ноември, датата нечетлива (л. 49).

Дорогой Емануил,

...Ваше письмо очень огорчило меня, и за себя и за Болгарию. И без надежды, что София скоро издаст новую мою книгу, посвященную Болгарии, я буду продолжать свою работу...

В двух №№-ах „России и Славянства“ были мои переводы из Ракинана „Черноморское лето“ и „Зимние стихи“...

В друго писмо от този период той пише (л. 51): „...Хотел бы также получить изрезка какую-нб. Болгарскую книгу, новую и что-нб. из газет. На днях Вы получили из Парижа „Северное сияние““.

В картичката си от този месец (л. 50) той моли Попдимитров да му преведе няколко фрази от стиховете, отбелязвайки, че „Состязание цветов“ и „Лазарь и Петкана“ на редкост прекрасни“... Става дума за стихове на Попдимитров, защото Балмонт пише пак там: „...Последние дни перевел много Болгарских песен, опять из Ваших „Самодив““.

На тези писма от м. ноември на Балмонт и по повод изпратените от него статии на Шварнас и Трубинков Попдимитров отговаря през декември (л. 14):

3. 12. 1931 г.

Драги Учителю,

Получих писмото ви и превода на Литовския отзив за Вашите книги върху бълг. и песни и творчество. Направих потребното и когато очеркът излезе от печат ще ви го изпратя. Писмата Ви — две за на Вашите книги не може да ми даде точни отговори, обаче книгите се подаряват на училищните библиотеки и за читалищата и така най-добре постигат целите си.

... За Вашето положение. Според мене уместно би било да се отнесе и Вие до Г-н Сава Чукалов, който е руски възпитаник. Ще му съобщите, че и сега работите върху преводи на руски език от бълг. и песни и бълг. писатели. Ще му съобщите, че аз съм Ви го препоръчал като културен човек и да направи нещо за Вас в кръга на възможното. А ние с г-н Балабанов ще настоим за това от наша страна.

Получавам редовно вашите преводи в вестници, благодаря Ви. Аз сам скоро ще Ви изпратя няколко отпечатани къса от моята нова работа.

Прилагам тук и (обясненията?) на ония места от и. песни, които ми посочихте и двете си писма.

Желая Ви бодрост, здраве и благодаря Ви за всичко.

Поздравете любезната госпожа Елена Константиновна и приежете сърдечните привети от цялото ми семейство.

Ваш Емануил

Изглежда, на това писмо Балмонт отговаря (л. 51):
22. 12. 1931 г.

Дорогой Емануил,

Шлю Вам 17 болгарских песен, мною пропетых по Русски. Копии большей частью тусклы, машинка моя пишущая плоховата.

Как видите — как можете видеть г. Сава Чукалов, которому, с красноречивыми надписями, я послал „Северное Сияние“, „Золотой сноп“ „Соучастие душ“, „Стихи Брхлицкого“ я за работу новую по Болгарии принял рьяно. Надеюсь продолжать также. Привет Вам.

Ваш Балмонт

От януари до октомври 1932 г. до нас са дошли само писмата на Балмонт.
22. 01. 1932 г. л. 52):

..Ничего не зная о том, что делается в Болгарии. Забыли меня болгары. Нехорошо это.

Мы в Париже. Теснота и духота, И более решительно ничего...

През 1932 г. излизат от печат нови творби на Попдимитров и Балмонт моли да му ги изпратят веднага (л. 53):
17. 04. 1932 г.

Дорогой Емануил,

Спасибо за болгарские газеты и журналы с Вашими стихами, читать которые я всегда рад. Хотел бы получить I-й том нового собрания Ваших стихов, только что вышедший. Спасибо П. Хр. Кишмерову за три хороших перевода моих стихов. Особенно удачен, кажется мне, вышел „Завет на живота“. Весь полет подлинника передаи.

Верно, это также через Вас я получил прелестный сборник Н. Джерова „Трепетлика“, а два маленьких стихотворения, которые у меня кажутся, недурно пропелись по-русски (прилагаю их) кажутся мне просто жемчужинами.

Но русские мои переводы Болгарских поэтов и Болгарских народных песен, к сожалению, пока приостановились, ибо печатать нигде.

Настала весна. Очень тянет меня в Болгарию и хотелось бы даже приехать надолго, чтобы много сделать для изучения и прославления Болгарии. Но, по видимости это сейчас трудно осуществимо?

Всего наилучшего Вам и Вашей семье

Ваш Балмонт

Писмо на Балмонт от м. май (л. 54):
25. 05. 1932 г.

Дорогой друг,

Спасибо Вам за присыл трех томиков Вашей изящной лирики. Снова повеяло на меня тем же очарованием чистого поэтического мироощущения. Вы должны сейчас переживать тихую и сладостную радость завершения жатвы. Но перед Вами еще новый большой путь.

Мы живем в душном воздухе повседневной борьбы за жизнь, в тревогах, в заботах неисчислимых.

Всего лучшего Вам и Вашей семье в Болгарии

Ваш К. Балмонт

Писмо на Балмонт от м. август (л. 55):
30. 08. 1932

Мой дорогой Эмануил,

Давно нищо о Вас не знаю. Где Вы? Что пишете? Как Ваше здравие? Как Ваша милая семья?

Мы тоскуем в скучном предместье Парнжа, живем на малые гроши, надежд никаких, нужда и беда. Разве что иногда запоят в душе стихи, тогда кажется что още не совсем потонули.

Хотелось бы попасть опять в Болгарию, в Софию, в дружественный въздух родного мне болгарского народа. Знаю, что министерски, как это было, осуществить мой приезд с Ел. К. трудно сейчас или даже невозможно. Но может быть среди болгар, понимающих сколько прославлению Болгарии (словом, стихом, переводами, выступлениями) заключает в себе мой новый приезд в Болгарию, нашлось бы лице, которое заинтересовалось бы этим и дало бы възможность его осуществлению. Подумайте об этом, друг, порасспросите, похлопочите, может что и выйдет из этого.

Вашим близким и Вам сордечные пожелания всего наилучшего.

Ваш Балмонт

За щастие е запазена черновата на Попдимитров, отговаряща на красноречивото послание на руския поет (л. 15—16):

12. X. 1932 г.

Милий Учителю,

След моето дълго мълчание, страхувам се да не съм изгубил вече правото да пиша и да се надявам за отговор. Бях болен, впрочем и сега съм такъв. Жена ми понастоящем също е болна и е оперирана в болница, дето и стои. Децата поне са здрави досега.

Опитът ми да наредя нещо и за Вас и за Вашето дохождане тука остана безплоден. Срецах се и с двамината Ваши приятели *Н. Балабанов* и *Коста Георгиев*, но и те не са в състояние сега да направят нещо. Коста Георгиев Ви поздравява и ме помолни да Ви съобща: „да не се предприема нищо сега за едно дохождане тук. В България настъпват смутни времена. Столицата се болшевизира. Комунистите преди 20 дена взеха изборите за общината. Тя няма да им се отстъпи, но все пак нищо не се знае какво ще излезе“.

Нашият общ приятел Стоян Заимов от Плевен почина преди 3 седмици. Негов заместник е също нашият приятел *Николай Вас. Ракигин*. Сега надеждата ми е в него: дали не може да приоти при себе си семейството на руския поет в Плевен. Аз (ше?) му пиша за това, а ако обичате и Вие се отнесете до него. . .

Преди няколко дни Ви изпратих моята нова работа „Преображение“. Лирична поема от символично-философски характер, съдържа един синтез на мислите ми за живота. Не зная дали сте я получили и как ще Ви се понарави.

Аз редовно получавам вестниците (Р. и слав.), които ми изпращате и следя забавите преводи на българската народна песен.

Моля Ви да ме извините за моята нередовност в писане на писма. Въпреки мълчанието ми, аз мисля постоянно за Вас. И скърбя, че в момента не мога с нищо да облека тежкото Ви положение. Сега е трудно да може руски емигрант да дейде и да намери държавна работа, а всяка друга помощ е почти изключена.

Поздравете сордечно от моя страна, от страна на жена ми и децата милата Госпожа Елена Константиновна.

Много, много привети и на двама Ви от мен. Прегръщам Ви

Ваш: Эмануил

Балмонт веднага отговаря на това писмо (л. 56):

3. II, 1932 г.

Дорогой Емануил,

Благодарю Вас за подробное, дружеское Письмо. Но горько мне от него было. Весь широкий земной мир становится для достойных людей все более более узким кольцом, тюрьмой и западней.

... Жаль мне, что нет более Стояна Заимова. Он мне дорог. Поклонитесь Ракитину и Георгиеву. Кто такой Н. Джеров? Мне очень нравятся его „Облачка“, „Бисерная песня“, „Благословенная весна“. Это — то же, что я люблю в Вас, Ракитине и Лилиеве — три поэта, всегда мне милые.

Следващото писмо на Балмонт е чак от следващата година (л. 58) от 13. VI. 1933 г. В него руският поет дава прекрасен отзив за книгата на Попдимитров „Глас от дълбините“: „... она совершенно меня очаровала. Какой прекрасный замысел — дать целую поэтическую сводку, дать целый огляд глубоко-прочувственного героического мученического, всегда из тьмы к свету рвущегося Болгарского слова.

Читал страницу за страницей эту подлинно — искреннюю сложную поэму. я брожу вместе с Вами по старинной, старой и вечно-молодой Болгарии и снова чувствую, что не напрасно еще в детстве я ее полюбил.

... Эта книга должна быть в каждом болгарском доме...“

Буквално след 6 дена, получавайки известие за самоубийството на Н. Ракитин, Балмонт отново пише на Попдимитров (л. 58):

19. VI. 1933 г.

Дорогой Емануил,

Я получил 3 №-а „Зари“ от 4 мая, 6 и 10-ого. Почему Вы не шлете мне №№ „Зари“ и другие газеты с разъяснениями несчастья? Прошу напишите мне. Кто те изверги, которые загубили Ракитина? Какую роль играли в этом министр нар. просв., фамилию которого я не знаю и Сава Чукалов? Я Должен это знать, конечно же для выступлений в печати.

Места себе не нахожу от горя и гнева. Болгарию, которую я так люблю, погубила такого человека и такого поэта как Ник. Вас. Ракитин! Его кровь обрызгала всю Болгарию! И как она смочет эту кровь?

Вчера ночью я написал „Жертву вечернюю“ и послал в „Пос. Нов.“. Прошу, напечатайте в „Заре“. Присылаю. Обнимаю Вас.

Ваш Балмонт

Следващото писмо на Балмонт е от края на следващата година (л. ...) 30. XII. 1934 г.

Дорогой Емануил,

В звездном воздухе приближающегося Нового года вспоминаю мои очаровательные летние дни в Болгарии, уже такие далекие, но негаснущие, и шлю Вам сердечные приветы Вам поэт глубокий, и Вашей милой супруге.

На това послание Попдимитров отговаря, както се вижда от последната му чернова (л. 17):

7. I. 1935 г.

Милий Константин Балмонт,

Получих Вашата картичка и поздравите за Нова година. Това беше тъкмо в момента, когато привършвах моите спомени от Вашето посещение в България по бележките, които си бях водил и така мислено Ви е отново присъствувате. сред нас!

Отрупан с работа от много естество аз почти нямам свободно време за творчество. Постоянните промени, които се извършват в обществения живот на страната, ни лишават от необходимото спокойствие на духа и от свободата да принадлежим на себе си.

Изпращам Ви един брой от в. Дума на бълг. писатели, посветен на покойника Николай В. Ракитин Ваш и мой сърдечен приятел. Вашата „Жертва вечерня“ беше задржана от секретаря на Писателския съюз именно за този брой. . .

Ник. Балабанов преди 4 дена замина за Москва. . . присъства на юбилейните тържества.

Мили привети Вам друже и учителю и на любезната Елена Константинова от мене и от цялото семейство. Децата пазят мили спомени за вашето посещение с. |.

Ваш: Емануил

От 36 и 37 г. са известни и запазени само две писма на Балмонт до Попдимитров, от архива на последния. В картичката от първата година се говори (л. 87):

23. X. 1936 г.

... Посылаю Вам несколько последних своих стихов.

... Очень хотелось бы получить несколько новых болгарских книг. Хотелось бы приехать опять в Болгарию надолго. Вы знаете как я её люблю. . .

И последното писмо на Балмонт в архива на Попдимитров е вече от 1937 г. (л. 32):

10. I. 1937 г.

Милый и дорогой Емануил,

Спасибо за две книги, известившие меня о жизненном Вашем празднике и в Ел. Конст. обнимаем Вас и красивую верную супругу Вашу и желаем Вам долголетней счастливой жизни, всей семье Вашей — успехов, здоровья и счастья. Я сейчас спешу с окончанием книги новых стихов „Светослужение“, которая будет печататься в Харбине. Как только отошло ее, напишу Вам подробно и пошлю новых стихов — слава Вам добрый сын родной матери, Болгарии и прекрасный музыкант стиха.

Ваш Балмонт

За съжаление не е известно как по-нататък са се развивали отношенията между Балмонт и Попдимитров. В архива на последния е запазена изрезка от в. „Зора“ от 17. II. 1943 г., в която се съобщава за смъртта на известния руски поет К. Д. Балмонт в едно от парижките предградия.

В предисловието на приготвената за печат книга със спомените на Попдимитров за Балмонт¹⁷ българският поет, надживял го само с няколко месеца, пише: „на всички е известно огромното значение на Балмонт за развитието на нашата поезика след Пенчо Славейков и Яворов, обогатяването и облагородяването на формата. Поколеният поети от сп. „Художник“ (в което за първи път на български е известно за поезията на Балмонт) до „Хиперион“ и „Златорог“ чувстват благодатното влияние на руския поет“. Попдимитров после подчертава, че бъдещата му книга е само малък почетен знак пред паметта на поета.

В писмата и картичките на Балмонт също се проследява колко високо е ценил той поезията на Попдимитров. Тук привеждаме две стихотворения, които илюстри-

¹⁷ Народна библиотека „Кирил и Методий“, архив на Б. Попдимитров, Ф. 2921, а. е. 19, и. 35.

рат това. Едното е превод на Балмонт на стихотворението на българския поет „Буря“, с който превод Балмонт се е гордеел:

БУРЯ

Туда! От песчаных, от дюн полетела душа словно птица,
Где ветры свирелят, где мачты поют и свистит вышина.
Где к битве морской разверзается парус, белест бойница.
Запела сирена и брызгами слез издышалась волна.
Там чайки — расцвет магнолий — все в пене, обрызганы бурей,
Стозубые волны, стократно, с наскоком бегут на маяк,
Там алчет зеленая бездна до светлой внедриться лазури,
Вся водная песня — разъятый, несчетный, возжаждавший зрак.
Сверкнул шишаки и на шлемах развеются буйные гривы,
Там темные воинства бездну прорвут и укроются в срыв,
Дождями, ветрами, на приступ, твердыни и хмуры, и сивы,
И пинии плачут на бреге, объятия кротко раскрыв.

Второто стихотворение, останало непубликувано, е на самия Балмонт¹⁸ и е посветено на Попдимитров:

СКРИПКА ИЗ КРЕМОНЫ ЕМАНУИЛУ ПОПДИМИТРОВУ

Ты нам играл на скрипке из Кремоны
Неуловим алеющий закат.
Струною овоздушены все стоны
Немая ночь вступила в зимний сад, —
Казалось мне, смычком ты ранил струны
Кровавый кактус в зимнем цвет саду,
Мы в музыке преображенно юны
Немая ночь всю страсть влила в звезду.
Пьянила страстью скрипка из Кремоны
Из-за морей к душе гудел набат —
Пожар окутан в бешеные звоны.
Звезда взглянула в кактус, зимний сад. —
Смычок пропел все пламени для мысли
Немой с немою в зимнем был саду —
Созвездья в небе гроздьями повисли
Расцветший рот был с алым ртом в бреду.

От преписката на Балмонт с Попдимитров се вижда с каква искрена любов и уважение се е отнасял руският поет към поезията на Н. Ракитин. Между тях двамата също се е водела кореспонденция, но тя не се е запазила. Както любезно ми съобщи дъщерята на Н. Ракитин Светла Ракитин, архивът му е изгорял по време на бомбардировките на София. В архива на Народната библиотека „Кирил и Методий“ се пазят три картички, написани от Балмонт в различно време. След написването на нашата статия две от тях бяха публикувани на български в новоизлязлата книга за Н. Ракитин¹⁹. Но тук ние даваме всичките три (публикуваните две и третото) в оригинал на руски:

25. I. 1935 г., Капбретон (Ф. 333, а. е. 3, л. 3)

¹⁸ Архив на Е. Попдимитров, а. е. 98 л. дата на написването II. XI. 1933, Ф. 123, спис № 1.

¹⁹ Н. Ракитин. Творчество и съдба, С., 1985, с. 411.

Дорогой поэт,

Спасибо за „Черноморско лято“ и за то, что скромный мой очерк о Вас взяли как предисловие. Всегда ваши стихи мне близки, слышу в них голос Вашей души.

Не знаю, дошли ли до Вас два №-а „Россия и Слав.“, где были три Ваши стиха, в моей передаче, очень понравились русским читательницам. Женское сердце — это ведь закон — более чувствует поэзию чем мужское. Но и читатели были дорогие.

У Вас сейчас холодно. Да и нас печки топятся. Но мимоза в саду уже раззолилась.

Във въпросното предисловие на „Черноморско лято“ са използвани думите на К. Балмонт за Н. Ракитин, казани в статията на първия „Болгарские поэты“ в „Последние новости“ от 17. IX. 1929 г. и сборника му „Соучастие душ“. Там са преведени от Балмонт някои стихове на Ракитин, заради които е наречен поет на прозрачни стихове, такива непосредствени, като току-що разтворило се цвете:

Как раскрывшаяся книга,
Небо в звездах надо мной,
С духа падает верига,
Упоен я тишиной
Где начало? Где пределы?
Рдеет звездный океан

И горит цветков там белый,
И цветов там целый стан
Дышит мак и повсеместно
Вдруг левкоев млеет мгла
Звездозернь — ей там не тесно —
Расцветает без числа.

По-нататък Балмонт пише: „Лирика болгарского поэта, возлюбившего свою родную землю и непрерывное соприкосновение с природой, чрезвычайно близка Русскому восприятию, и лучшие стихи Ракитина стоят вровень с Русской лирикой, которую я считаю наилучшей на земле... В русской лирике — очарование прямого взгляда Славянки, безоглядность души, простор, внезапное прикосновение к лицу расцветшей и качнувшейся пол ветром ветки. Нечто из указанных мной очарований явственно слышно в строках Ракитина „Сани“.

Сани мчатся, близ меня промчались звонко,
Сколько солнца за белеющим холмом!
Вдруг проснулось, что в душе дремало сонно,
Бубенец вдали пропел за бубенцом.
Манят белые разъятые просторы.
Сонмы солнц в снегах нашли себе приют.
О, как тихо! Тишь слышней, чем разговоры,
И в душе моей бубенчики поют.

Второто писмо е от пролетта на 32 г. (л. 2):

9. III. 1932 г.

Дорогой поэт,

Большое спасибо за новую Вашу книжку и за стих, мне посвященный. Ваше творчество проявляется свободно и Природа говорит с Вами своими живыми голосами.

Мне жаль, что Стоян Займов болен. Пожалуйста, поклонитесь ему. Мы в Париже. Но мне плохо здесь. И я более хотел бы быть не среди каменных громад и душного чада, а там:

Дето светло и огромно
Вдига слънце своя храм.

Но придется еще побыть здесь в тосковании месяца два.

Всего наилучшего. Жму руку.

К. Бальмонт

В третата си картичка Балмонт посвещава сонет по повод юбилея на Ракитин.
Факсимиле на картичката е поместено в книгата за Ракитин²⁰.

СОНЕТ

*Ник. Вас. Ракитину,
в празник его 20-летию
служения родному слову.*

Далекое, Болгарское село,
Далекий и высокий город Плевна,
В тебе сейчас гостит Весна-Царевна,
С ней песня, стебель, цвет, полет, крыло.
И хочется, чтоб было все светло
Чтоб глянул день приветливо, а не гневно
К тому, кто любит отчий край напевно,
Кто вел ладью, взяв меткое весло.
Чей ясный дух с родною пашней слитен,
Кто своего не омрачил лица,
И сердцем приманил к себе сердца, —
Пред кем и стебелек не беззащитен,
А встретил брата в образе певца, —
Таков поэт Болгарии, Ракитин.

9. V. 1933 г.

К. Бальмонт

В Юбилейния сборник на Ракитин за съжаление не са влезли редовете, написани от Балмонт специално за този случай (Ф. 1273, а. с. 11, л. 2). На плика е написано: Комитету по поводу чествования 25-летней писательской и общественной деятельности поэта Ник. Вас. Ракитина. А по-нататък пак на руски следва:

Стиль гастрономический
для прочтения Ник. Вас. Ракитину
на пиршестве, на котором меня, к сожалению, не будет
Г-н Председатель Комитета.

Болгарский водки выпить рюмки три
И „мешано“ готов сказать повторно,
„Еще“! Но это вовсе не зазорно,
О, мешано, Оно как свет зари!
Что хорошо, — конечно повтори,
И ешь его чувствительно-упорно,
Ведь жизнь ягнят возвышена и горна
Глянь в мешано, в нем светят янтари,

Топазы в нем, от невелика блюда,
Так ешь и пей и ешь и будь в том смел
А если как медведь отяжелеешь, —
Вспомни обо мне светло оттуда
поля, где много светит изумруда
Где был и я, и помню тот предел.

9. IV. 1933 г. Клаамр

²⁰ Н. Ракитин, Творчество и съдба, с. 386.

Балмонт се възхищавал от стихотворението на Ракитин „Слънчеви люлки“ и е направил превъзходен превод на тези великолепни стихове:

Люби желая, ласки страстной,
Земля в ночи дрожала, млела,
Выросли все стебли, рой согласный
На ветках ало, сине, бело,
Проснулось солнце в ранней рани,
Глядит на жизнь, чья страсть впервые,
Влюбленно жаждет обаяний,
Скрестило люльки золотые
Вся земь — лелейность колыбели,
Любая ямка — люлька, зовы,
От верха к верху, чу, запели,
Горят венчалные покровы.

Всички тези нови материали от кореспонденцията на Балмонт с Попдимитров и Ракитин дават възможност да се проследят литературните и дружеските връзки на Балмонт с българските поети, писатели и културни дейци — връзки, които практически досега не са били предмет на изучаване. В нашата статия се прави първи опит, за да се покаже фактическият материал с кратък анализ. Този материал, надяваме се, ще послужи като благодатна почва за нови изследвания върху литературата на двете братски страни.

ИЗ СПОМЕНИТЕ МИ ЗА Г. П. СТАМАТОВ

ВЕРА БАЛАБАНОВА

Г. П. Стаматов и Христо* седяха в кафене „България“ и ме очакваха развеселени, а писателят явно се подсмиваше и ме разглеждаше удивен.

Стана ми весело и на мен и ги подканих:

— Какво има? Кажете, да се посмеем заедно.

— Не почивате ли следобед? — гръмна неговият глас насреща ми.

— Никога.

Писателят сякаш не ме чу и продължи язвително:

— Една дама, която не почива следобед! Която предпочита срещата със стария писател пред грижата за своя тен! Каква жертва!

Припах да се смея:

— Така да бъде. Не сте ли поласкан?

Сега се засмя и той. Тонът се промени, разговорът се поде непринудено.

Донесоха кафе. Мъжете извадиха цигари, предложиха ми, запушиха.

— Наистина ли не пушите? Или само вкъщи, тайничко? — ме закачаше той, но вече леко, игриво.

Стана дума за снимки.

Стаматов казва:

— Повече от десет години не съм се снимал. А един журналист откога ме

* Христо Велев — адвокат от Дупница, вече покойник.